

КОГДА смотришь на театральные афиши Праги, поражает обилие театров самых различных направлений, стилей, жанров. Споры о формах и путях сценического творчества, об образном строе спектакля здесь особенно остры и горячи. Возникают они не только в пылу словесных дискуссий или на страницах газет и журналов, а чаще всего в непосредственной творческой практике. Живое свидетельство этому — два спектакля, о которых мне хочется рассказать подробнее.

Над музыкальной драмой «Святоплек», поставленной в Национальном театре, композитор Эуген Сухонь работал почти четверть века: изучал историю, быт древней Моравии, памятники славянской культуры. Он принимал участие и в написании либретто оперы — о короле Святоплеке и его трех сыновьях, о борьбе с язычниками, поклонниками бога Перуна, о тщете коварства и величии любви.

Обращаясь к историческому прошлому, Эуген Сухонь ищет в нем отзвук своих глубоких раздумий о современности, стремится выразить мысли и чувства, которые сегодня, сейчас волнуют его как гражданина и музыканта.

Образ Святоплека в чем-то перекликается с образом Бориса Годунова: оба они были мятежными владыками, обладили недюжинным умом, шли к власти через преступления, испытывали угрызения совести. Раздор между братьями грозит гибелью царству, и перед смертью Святоплек призывает сыновей забыть вражду: только в мире, дружбе, братстве процветание и счастье народа.

Музыка оперы необычайно эмоциональна, драматична. В ней находят бурное, взволнованное выражение чувства, переживания, страсти героев. Мастерство, музыкальность дирижера Зденека Халабала позволили раскрыть и донести до слушателя все оттенки сложной партитуры.

Не менее трудны и вокальные партии. К чести артистов Национального театра, они поют легко, свободно, в органичном слиянии с общими музыкальным звучанием произведения.

Необычным, смелым выглядит решение постановки режиссером Ганушем Тейном и оформление художника Йозефа Свобода. Им казалось невыслышим воплотить суровую и страстную музыку оперы в традиционные рамки пышного исторического

НА СЦЕНАХ ПРАГИ

спектакля. Гануш Тейн искал форму, лишенную отвлекающих внимание деталей, стремился к предельной выразительности человека на сцене.

Свет на протяжении всего спектакля играет особо важную роль. Световая гамма находится в единстве с происходящими на сцене событиями, позволяет подчеркнуть психологическое состояние героев.

Есть что посмотреть в театральной Праге!
Фото М. КУПШОВСКОЙ.

Постановку «Святоплека» в Национальном театре можно отнести к числу значительных событий театральной жизни Чехословакии. И композитор, и режиссер, и художник, и, конечно, исполнители ищут в спектакле новые формы сценической выразительности.

Новое! Нередко под этим подразумевается нарочитое, эксцентрическое зрелище, у которого одна цель, одно назначение — поразить неожиданностью, опрокинуть привычные представления и оценки, дать волю своей субъективной фантазии. При этом попирается, становится второстепенным то, во имя чего существует театр, — идея, мысль драматургического произведения, глубокое, проникновенное раскрытие человеческих чувств. Но любая, даже самая смелая сценическая форма будет убедительна и оправданна, если она зиждется на органичном понимании замысла произведения, особенностей авторского стиля. В этом отношении интересна и поучительна постановка американской пьесы «Изюминка на солнце» Л. Хансберри в Пражском театре комедии.

«Изюминка на солнце» — произведение, обличающее пороки американского образа жизни, рисующее бесправное положение тех, у кого черный цвет кожи и мало долларов. Автор показывает жизнь негритянской семьи: надежды, связанные с получением страховой премии, разорение, угрозы белых и через все это — растущее, крепнущее чувство человеческого достоинства.

При открытии занавеса на голые возникают уродливые длинные нити паути-

ны, они вздрагивают, переплетаются между собой под звуки джазовой какофонии. Этот же тьюл представляет условную четвертую, стену комнаты, с высвеченным окном и чашным цветком, тщето ждущим весны. «Это все, что осталось от моей мечты», — говорит старая мать Лина Янгер. К окну иногда подходят Уолтер Ли, его жена Рут и сама Лина, чтобы поделиться своими затаенными мыслями. Прием внутреннего монолога, быстрая смена ритмов и психологических состояний в сочетании с пристальным вниманием к самым будничным, обыденным мелочам — все это в чем-то перекликается с принципами итальянского неореализма.

Режиссер Рудольф Грузинский и художественный оформитель Адольф Вениг стремятся выразить реалистические образы пьесы в смелой, образной, обобщенной форме.

Лина Янгер, которую Мария Розулкова играет с такой глубиной и проникновенностью, не только мать, взрастившая семью, видевшая много страдания и горя, она совесть, гордость, судья для каждого из ее детей. На слова Уолтера Ли «деньги — это жизнь» она отвечает задумчиво и просто: «Когда-то смысл жизни был в свободе».

Руки Лины часто тянутся к цветку на подоконнике — одинокому, поблекшему без солнца. Может быть, этот цветок напоминает ей о собственной судьбе. Когда опустела комната, упакованы вещи, вынесены тюки и чемоданы, Лина возвращается, долго стоит у окна, погруженная в далекие воспоминания. Затем еще и еще раз оглядывается вокруг и, безречно, трепетно прижав цветок к груди, уходит.

Так заканчивается этот взволнованный, гуманистический спектакль, который учит любви и ненависти, утверждает благородство и силу духа.

...Поздний вечер. Переливаются огни реклам на Вацлавской площади в Праге. Ярko освещены афиши с названиями новых спектаклей, и в каждом из них — искания, труд, вдохновение замечательных мастеров театрального искусства Чехословакии.

Н. ПУТИНЦЕВ.
ПРАГА—МОСКВА.